

Формальная доказательная сила судебного признания коренится не во внутренней достоверности показания, данного стороной против себя, и не в отречении ее от права требовать доказательств, а в том, что посредством признания происходит процессуальное соглашение сторон, в силу которого признанный факт или правоотношение становится бесспорным и не требующим судебной проверки. Если ответчик признал требования истца целиком и безусловно, без возражений и оговорок, то, в сущности, нет необходимости истребовать у истца предоставления доказательств, подтверждающих его позицию.

Согласно п.2 ст.68 ГПК Российской Федерации признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования и возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. В соответствии с ч.3 ст.183 ГПК Республики Беларусь если у суда нет сомнений в том, что признание соответствует обстоятельствам дела, то суд может считать признанный факт установленным. Таким образом, процессуальное законодательство России и Беларуси придает доказательственное значение признанию при разбирательстве гражданских дел. Кроме этого институт признания факта представляет собой одно из проявлений принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве.

Как усматривается из п.2 ст. 68 ГПК Российской Федерации и ч.2 ст.183 ГПК Республики Беларусь признание может сделать сторона, то есть как ответчик, так и истец. Однако представляется, что субъектом признания могут быть и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица.

Объяснения третьих лиц, в которых содержатся сведения о фактах, имеющих значение для рассмотрения дела, также могут нести важную доказательственную информацию.

Как известно, третьи лица также являются источниками личных доказательств. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования имеют все права и обязанности истца (п.1 ст.42 ГПК Российской Федерации, ч.3 ст.65 ГПК Республики Беларусь). Поскольку третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, процессуально приравниваются к стороне процесса и, в частности, к истцу, то и объяснения, даваемые суду этими участниками по своей процессуальной природе схожи с объяснениями истца.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, не пользуются процессуальным положением стороны. Они выступают на стороне истца или ответчика для защиты своего интереса, который может быть затронут судебным решением. В то же время объяснения третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, с точки зрения доказательственной информации в некоторых случаях имеют большую ценность, чем объяснения сторон. По мнению К.С. Юдельсона, «истец, пострадавший от источника повышенной опасности, может дать существенные объяснения относительно обстоятельств дела. Не менее важные сведения может дать и лицо, управлявшее источником повышенной опасности, привлеченное в процесс в качестве третьего лица на стороне ответчика. Однако представитель ответчика – владелец источника повышенной опасности – не может дать суду информацию о происшествии, свидетелем которого он не был» [1. с.388].

Таким образом, ценность участия в процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, состоит не только в защите их интересов в связи с возможностью предъявления регрессного иска, но и в плане установления истины по делу. Данный вид третьих лиц является юридически заинтересованным в исходе дела, может обладать достаточным объемом сведений о фактах, и, следовательно, также вправе признать те факты, о существовании которых утверждает противная сторона.

Таким образом, поскольку третьи лица являются источником средства доказывания, они также могут являться и субъектами признания факта. На основании вышеизложенного видится правильным п.2 ст.68 ГПК Российской Федерации и ч.2 ст.183 ГПК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «Признание стороной или третьим лицом. ... » и далее по тексту.

ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Д.Н. Николичев

Формирование и закрепление правового института управленческого представительства в действующем законодательстве невозможно без исследования и анализа предмета правового регулирования таких отношений. Последнее выступает необходимым условием для уяснения особенностей правового регулирования отношения определенного вида. Выяснение сущности материального содержания явления объективно необходимо для установления правовой формы, закрепляющей такое явление. На самостоятельность исследования фактического материального содержания, при формировании юридического института указывал О.А. Красавчиков отмечая, что и материальное

содержание (т.е. фактическое, регулируемое нормами права общественное отношение), и его правовая форма (правоотношение) лишь находятся в существенной связи, а не тождественны друг другу, постольку отрицать специфику того и другого вида социальных связей нельзя [1].

Вопрос о том, выступают ли организационные и управленческие отношения в качестве предмета правового регулирования гражданских правоотношений ставился в научной литературе неоднократно. Наиболее обстоятельно и аргументировано гражданские организационно-правовые отношения были предметом исследования О.А. Красавчикова. Организационные отношения в сфере гражданско-правовой действительности определяются последним как построенные на началах координации или субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований [1]. Братусь С.Н., исследуя организационные отношения в социалистическом хозяйстве указывал, что управление имуществом, осуществляемое предприятием состоит в его использовании, во владении и распоряжении этим имуществом в пределах установленных законом. Характеризуя данную группу отношений, автор называет их имущественными, которые складываются между различными собственниками или иными хозяйствующими субъектами, не являющимися собственниками как участниками процесса производства, распределения, обмена или использования материальных благ, имеющих потребительское назначение. Именно на этой основе возникают соответствующие организационные связи между указанными лицами [2]. Сегодня дифференциация экономических отношений, многообразие форм собственности, включение в экономический оборот ранее не распространенных имущественных прав в качестве объектов правового регулирования позволяют по-новому взглянуть на роль организационных, управленческих отношений в гражданском обороте. Возможность обозначения термином «управление» связей гражданско-правового характера подтверждается тем, что институты современного гражданского права довольно широко используют указанную терминологию в своем арсенале. Необходимость управления возникает для осуществления права хозяйственного ведения, оперативного управления, управление присуще договору доверительного управления имуществом, в определенной степени агентскому договору и др.

Можно сказать, что управление с точки зрения материального содержания – это определенная деятельность, содержание которой сводится к поддержанию организованной системы в определенном эффективном (для достижения цели) состоянии.

Управленческое представительство, являясь по своей природе видовым явлением общегражданского представительства, в тоже время имеет свои отличительные черты. Последние на материальном уровне проявляются в специфике характера деятельности представителя и объеме его полномочий. С понятием о представительстве всегда соединяется понятие о действии, которое одно лицо (представитель) совершает именем другого (принципала). Свойством действия и его непосредственными последствиями определяется характер самого представительства.

Волевые действия представителя в управленческом представительстве, в отличие от общегражданского представительства, его специальных видов, не ограничены рамками определенной воли представляемого, формально зафиксированной в полномочии или договоре, а так же указаниях (поручении) представляемого. Наглядно это можно увидеть на примере отношений из договора поручения, где поверенный в силу положений ст. 861 ГК Республики Беларусь осуществляет «от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия». Последние в силу прямого указания статьи ст. 863 ГК Республики Беларусь должны быть осуществлены в соответствии с указаниями доверителя. Фактически самостоятельность в принятии решений управленческим представителем своей волей означает для него хозяйственную возможность самостоятельно и своей волей определять основания и условия правового отношения, в которое он вступает с третьими лицами. Действия представителя определяются не волей собственника, а волей самого представителя, действия которого оцениваются им по своему усмотрению [3].

Рассмотренные выше общетеоретические подходы к понятиям «управление» и «организация» в социально-экономической сфере отношений, а также анализ управленческой деятельности в обязательственных и вещных гражданских правоотношениях позволяет сделать определенные теоретические обобщения в части предмета управленческой деятельности представителя. Материальное содержание деятельности по управлению в управленческом представительстве – это система определенных последовательных действий специально уполномоченного лица, управленческого представителя, обладающих следующим содержанием:

- управление всегда носит целевой характер, который определяется функциональной направленностью,

- управление как процесс связан с необходимостью планирования и организации объекта управления, что требует от управляющего не только специальных знаний, умений и навыков в определенной сфере отношений, виде деятельности, но и длительности отношений,

- деятельность по управлению в качестве необходимого атрибута предполагает принятие волевых действий (решений) самим управляющим,
- деятельность управленческого представителя имеет свой непосредственный объект управления - сфера имущественных интересов представляемого,
- «управление» выступает как социально – экономическая категория, которая наполняет содержанием правовую часть отношений по управленческому представительству.

Литература

1. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Т.1. М. «Статут» 2005.
2. Братусь С.Н. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР. – Вопросы общей теории советского права. М., Госюриздат, 1960. С. 106-107
3. Веленто И.И., Елисеев В.С. Теория экономического права. Гродно, 2004 г. С.212.

КОЛЛИЗИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ И МЕХАНИЗМ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А.П. Петров

Правоприменительная деятельность может существенно затрудняться наличием коллизий в действующем законодательстве.

В юридической литературе под юридическими коллизиями понимается расхождение или противоречие между нормами права и актами толкования, направленными на регулирование одних и тех же общественных отношений, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления государственными органами и должностными лицами своих полномочий.

Коллизии порождаются разными причинами: несовершенством закона, выходом отдельных органов и должностных лиц за пределы своих полномочий, произвольными толкованиями норм Конституции, несоблюдением иерархии правовых актов по юридической силе и т.д.

Для конституционного права особенно опасны коллизии между естественным и позитивным правом. Опасность коллизий подобного рода заключается в том, что они угрожают реализации одной из основных функции конституционного права – охраны прав и свобод человека и гражданина. Разрешение их во всех случаях очевидно, т.к. примат должен отдаваться естественному праву.

Имеются коллизии и пробелы и в конституционном праве. Одна из коллизий в Конституции Республики Беларусь связана с нормой статьи 64 Конституции, определяющей, что «в голосовании не принимают участие лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей». В соответствии со ст.ст. 119, 126 УПК Республики Беларусь меру пресечения в виде заключения под стражу применяют органы уголовного преследования (орган дознания, дознаватель, следователь) с санкции прокурора. Презумпция невиновности, закрепленная в ст. 26 Конституции, определяет, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Запретительное указание ст. 64 Конституции противоречит, таким образом, ст. 38 Конституции, закрепившей одно из важнейших субъективных прав граждан свободно избирать и быть избранным в государственные органы. При условии, что по окончании выборов в отношении гражданина будет вынесен оправдательный приговор и, учитывая, что избирательный процесс ограничен временными рамками, гражданин не сможет реализовать свое конституционное право избирать и быть избранным.

Один из видов коллизий конституционного права связан со спорами о компетенции органов государственной власти. В 1995 – 1996г. в условиях острой политической борьбы между Верховным Советом Республики Беларусь и Президентом Республики Беларусь, в силу неясности конституционных формулировок и неразвитости практики общественного согласия, спор о компетенции государственных органов и должностных лиц привел к конституционному кризису, разрешить который удалось только референдумом 24 ноября 1996г. Поэтому возможные споры о компетенции должны разрешаться только с помощью конституционных процедур в судебном порядке.

Неясность и нечеткость отдельных формулировок норм Конституции также может приводить к конституционным коллизиям. Так, в ч. 3 ст. 137 Конституции указано, что в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. В том числе, ст. 101 Конституции устанавливает делегирование Президенту полномочий только на издание декретов и не указывает такой нормативный акт как указ. Кроме того, закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10 января 2000г. (с изм. и доп.), определяя иерархию нормативных правовых актов, ставит декреты и указы после законов.